

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО НАПОЛЕОНОВСКОГО МИФА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Как известно, существуют тысячи работ, посвященных Наполеону, и во многих из них речь идет об особенностях восприятия личности великого завоевателя в различных странах Европы, в том числе, и в России. В последние десятилетия историки, социологи, культурологи, искусствоведы и литературоведы стали все чаще оперировать такими понятиями, как «миф» и «легенда» в отношении к этому феномену. Однако еще Н.И. Казаков, работа которого «Наполеон глазами его русских современников» (1970) многократно цитируется в последующих исследованиях на «наполеоновскую» тему, констатировал: «Его имя окружено таким густым туманом всевозможных легенд и анекдотов, что исследователю бывает нелегко отделить мифический образ Наполеона от реального» [5, с. 31]. Н.И. Казаков не ставил перед собой задачу «воссоздать подлинный» облик Наполеона, а сосредоточился только на том, чтобы «рассказать читателям, каким представляли себе Наполеона его русские современники» в XIX в. [5, с. 31]. Но исследователю, которой стремится осмыслить специфику восприятия Наполеона в России, вероятно, придется иметь дело именно с «густым туманом». 200-летие Отечественной войны 1812 г. актуализировало многие темы, связанные с восприятием личности Наполеона в России. И тут наметилась такая разногласица, что выделить какие-либо четкие представления не представляется возможным.

Так, В.Г. Матюшенко полагает, что Наполеон представляет собой «явление не только историческое и политическое» как «конкретная личность, оставившая след в мировой истории, но и историко-культурное». Потому в своей статье она сосредоточена на том, что «в мировой культурологической науке получило название "наполеоновского мифа"», т.е. на «формировании и эволюции этого мифа в русской культуре» [7, с. 176]. По ее мнению, мифологический и историко-политический аспекты этого явления возникают одновременно и взаимодействуют друг с другом, причем конкретная деятельность Бонапарта подпитывает мифологическое ее оформление, и наоборот. Наполеоновский миф В.Г. Матюшенко понимает следующим образом: «... личность Наполеона, его деяния и судьба провоцируют множественность оценок, которые актуализируются в конкретных культурах, сообразуясь с характером исторического момента, общими тенденциями данной культуры, творческой индивидуальностью интерпретаторов наполеоновского мифа. Будучи емким и многозначным, наполеоновский миф стимулирует обращение к себе в кризисные моменты и обладает способностью становиться одним из фокусов идейного и эстетического самовыражения эпохи. Как культурологическое явление, наполеоновский

миф отражает историко-культурные процессы и влияет на них, усиливая некоторые тенденции в культуре и обостряя определенные коллизии в определенные исторические моменты. Изучение эволюции и бытования наполеоновского мифа яснее высвечивает эти коллизии и тенденции и помогает выявить некоторые закономерности историко-культурного процесса» [7, с. 174]. Для решения своей задачи автор публикации обращается к выявлению их французских истоков, важнейшим из которых считает античный миф, функционировавший в идиллической и героической разновидностях, и связывает с последним наполеоновский феномен: героический античный миф, пишет она, это «архетип наполеоновского феномена» [7, с. 179]. Что же касается культуры русской, то В.Г. Матюшенко отмечает в ней как влияние французского мифа о Наполеоне, так и собственно национальные особенности этого явления.

По ее мнению, они обусловлены глубоко укоренившейся в России двойственностью культуры: «ориентацией на Западную Европу и Византию» [7, с. 181], что актуализировало обе свойственные русской культуре тенденции мифообразования – «апологетика и т.е. ”черная легенда”». Следует подчеркнуть, – говорит В.Г. Матюшенко, – что речь идет именно о двух основных вариантах наполеоновского мифа, а не о всем спектре отношения к Наполеону в России» [7, с. 181]. Таким образом, «легенда» оказывается в интерпретации исследовательницы одной из тенденций культуры, участвующей в мифообразовании, а у наполеоновского мифа выявлены два варианта, что вызывает сомнение.

А.И. Рейтблат видит проблему несколько иначе. В статье «Булгарин и Наполеон» он пишет о «русском образе Наполеона» [8, с. 202], дополнительные черты в который, по его мнению, вписал издатель «Северной пчелы».

А.И. Рейтблат полагает, что болгарское истолкование образа «в целом не прижилось – в отечественную идеологию того (да и последующего времени) оно плохо вписывалось. Утопическое русское общественное сознание не принимало буржуазного ”земного” Наполеона, умелого управленца, любившего развлечься и пошутить. Сказывались, конечно, и оставшийся в исторической памяти народа образ смертельного врага-завоевателя и воплощенные в стихах Пушкина и Лермонтова его трактовки... Так или иначе, но Наполеона еще долго продолжали воспринимать в романтическом ключе, как человека, противостоящего обычной жизни, обуреваемого жаждой власти и славы» [8, с. 209]. Исследователь говорит, таким образом, об ином, не характерном для русской литературы, воплощении образа.

В.А. Кошелев, напротив, пишет об «изводе национально-исторического ”мифа”» в сознании Пушкина. Его статья открывается цитатой из «Смысла истории» Н.А. Бердяева: «История не есть объективная эмпирическая данность, история есть миф. Миф же есть не вымысел, а реальность, но реальность иного порядка, чем реальность так называемой объективной эмпирической данности. Миф есть в народной памяти сохранившийся

рассказ о происшествии, свершившимся в прошлом, преодолевающий грани внешней объективной фактичности и раскрывающий фактичность идеальную, субъект-объективную» [цит. по: 6, с. 213]. Исследователь полагает, что «национально-исторический миф возникает параллельно с исторической жизнью знаменательного события или выдающегося человека», а для поколений, воспринимающих его, «главным становится именно "мифологизированное" отношение к действию или персонажу события» [6, с. 213], всегда одностороннее и стремящееся к крайностям. В.А. Кошелев видит, таким образом, один национально-исторический миф, у которого есть «изводы», в частности, о царе-строителе (Петр), о вожде и тиране Сталине и пр. В центре его публикации находится пушкинское сопряжение исторических фигур Наполеона и Пугачева, впервые осуществленное в публицистике периода войны 1812 г., в которой Наполеон осознавался самозванцем, возникшем на гребне революции. Подробно рассматривая все случаи такого сопряжения, В.А. Кошелев приходит к выводу о том, что «жизненная правда вступает в противоречие с той правдой, которая могла бы возникнуть в пределах элементарной логики. Из этого противоречия рождается правда художественная, которая становится действительной правдой на высшем, новом уровне осознания исторической действительности и действительных деяний полководца. Да, Бонапарт – тиран, да, он виновник гибели и страданий миллионов. Но это вовсе не означает, что толпа, разрушающая Троянову колонну, права. В глазах русских победителей Наполеон безусловно остается достоин воздвигнутого им памятника – достоин не только из-за совершенных им поступков, но и в свете истории Франции вообще. <...> Этот процесс превращения эмпирической данности в национально-исторический миф пережил и Пушкин, ставший свидетелем уже развернувшегося нового отношения к Наполеону» [6, с. 229]. Пушкин, таким образом, творчески решал проблему «мифа», которая еще не была осмыслена философски: это задача была выполнена только в новом столетии. В.А. Кошелев полагает, что соотнесение Пугачева и Наполеона в творческом сознании поэта было соотнесением и национальных мифов [6, с. 214]. В этой концепции, как нам представляется, пусть и не сформулированная исследователем, но подразумевается мысль о том, что в русской культуре получал свою, специфическую интерпретацию наполеоновский миф – чужой, европейский, так и не ставший «своим».

В.М. Гуминский в статье «Гоголь, Александр I и Наполеон» предпринимает попытку показать процесс мифологизации образа Наполеона, привлекая к анализу не только произведения Гоголя, но и те публикации, которые, по его мнению, ее отражают (мемуары, дневники и пр.), Н.Д. Тмарченко посвящает свою публикацию наполеоновской теме в «Войне и мире» и «Преступлении и наказании» [3, с. 276 – 284], подчеркивая, что его интересуют именно «общие точки» в двух произведениях, совпадения, созвучия при том, что изображение Наполеона есть только в эпосе Л. Толстого. И.Л. Волгин пишет о наполеоновской теме у Ф.М. Достоевского [2,

с. 284 – 302]. Таким образом, в публикациях используются такие понятия, как миф, легенда, «черная» легенда, архетип мифа, национально-исторический миф и образ, причем первые зачастую употребляются, как синонимы.

Несколько определеннее они прописаны в материалах международной конференции «Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы» (2011). Уже в разделах сборника докладов отграничены наполеоноведение и мифотворчество, литературные мифы о Наполеоне и их интерпретация, а также образ Наполеона в исторической памяти. Во введении составители ставят вопрос о том, кто такой Наполеон: «захватчик или освободитель, герой или узурпатор? Прошло почти два века, но однозначного ответа так и не дано» [1, с. 9]. Они полагают, что «поиски исторической правды изначально сопровождалось созданием множества мифов в культурном пространстве, а национальные традиции историописания наполеоновских войн до сегодняшнего дня демонстрируют значительные расхождения» [1, с. 9]. Именно этой проблеме посвящена публикация О.Н. Захарчука, который размышляет о мифологизации самого наполеоноведения, причем выделяет две ее причины: «...банальная неосведомленность как уже в устоявшихся исторических фактах, так и в новых взглядах историков на отдельные эпизоды войны 1812 года», а также попытка быть причастным к творению новой истории в постсоветских государствах. В своем материале он подвергает критике концепции некоторых современных украинских и российских историков, которые, по его мнению, спекулятивно обращаются с концепцией Илько Борщака, которая, не во всем отвечающая историческим фактам, по сей день транслируется без надлежащего уточнения и проверки фактов [4, с. 80]. Эта проблема, думается, стоит особняком и прямого отношения к поставленному нами вопросу не имеет.

С.С. Секирский, наоборот, пишет именно о Наполеоновском мифе в России XIX – XX в. Его статья открывается двумя тезисами, в которых понятия «миф» и «легенда» употребляются как синонимичные: «Наполеоновский миф уже при жизни его создателя становится феноменом европейской политики и культуры. Востребованности наполеоновской легенды способствовала ее многофункциональность, отразившаяся с теми или иными преувеличениями разнообразие ролей, исполненных Бонапартом в политической жизни и по-разному воспринятых общественным мнением европейских стран – вплоть до формирования образов-антиподов: ”светлой” и ”черной” легенд о Наполеоне, что вовсе не исключало их взаимовлияния» [9, с. 162]. С.С. Секирский говорит, как нам представляется, прежде всего, о сфере политике, но полагает, что наполеоновский миф укоренился в ряде европейских культур, прежде всего, в польской, для чего, как известно, были свои причины, а его бытование в русской культуре видит «вовсе не столь одномерным» [9, с. 163].

Совершенно справедливо исследователь обращает внимание на то, что в русской литературе воплощался наполеоновский образ, а «в дальнейшем наполеоновский миф оказал влияние и на поиски романтического героя в литературе 1820 – 1830-х гг. (Пушкин, Лермонтов), и на попытки идеологической репрезентации самодержавия Николая I» [9, с. 164]. Автор статьи, таким образом, стремится осмыслить пути распространения наполеоновского мифа в России, формы его укоренения, рождение эпигонов и разоблачителей, его актуализацию и пр., что представляется нам абсолютно оправданным подходом, дающим возможность говорить не о русском наполеоновском мифе, а о своеобразной, оригинальной, имеющей свою национальную специфику интерпретации в России европейского наполеоновского мифа.

Р.С. Черепанова завершает свою публикацию «Наполеон Бонапарт как фигура русского национального сознания» словами о том, что «"загадочная", малообъяснимая рационально, "роковая" гибель передовой европейской армии в России» является «стержневым моментом "Наполеоновского мифа"». Смысл «"Наполеоновской легенды", – пишет она тут же, – актуализируется не только в России, в случае возможной угрозы с Запада, но и в Европе, когда она ощущает опасность из России и также нуждается в мобилизации. Наполеоновский миф, таким образом, это еще и вариант общего мифа Запада о Востоке и Востока – о самом себе» [10, с. 191 – 192]. Чтобы понять логику мысли исследовательницы, следует обратиться к исходным положениям ее публикации. Р.С. Черепанова полагает, что Бонапарт «является не только историческим, но и мифологическим персонажем» и что «существует немало национальных версий этой легенды», а «"русская" версия остается одной из самых ярких» и «часто актуализируется» [10, с. 176]. Здесь вновь понятия «миф» и «легенда» употребляются в таком значении, что миф оказывается состоящим из ряда национальных легенд. Содержание русской версии легенды связывается с ростом русского национализма, история которого кратко осмысляется с опорой на концепцию М. Хроха. Автор публикации рассматривает литературные воплощения русской версии наполеоновской легенды – от Пушкина до А.З. Манфреда и, наконец, делает свой вывод, который мы привели выше.

Мы рассмотрели несколько публикаций, которые собраны в двух авторитетных собраниях материалов, посвященных Наполеону. Но и в тех статьях, которые не вошли в наш обзор, как правило, понятия «миф» и «легенда» смешиваются, используются как синонимы, толкуются один с помощью другого и пр. На наш взгляд, это связано с тем, что по сей день проблема вообще не ставилась в такой плоскости.

Между тем, совершенно очевидно, что ни в миф, ни в легенду рецепция Наполеона в России не сложилась. На наш взгляд, следует говорить о том, что русская культура воспринимала европейский и, в связи с особым характером отношений между двумя странами, французский наполеоновский

миф и оригинально, своеобразно его интерпретировала. На ее характер накладывали свой отпечаток и общественно-политические события, и преобладающие в литературе тенденции, и особенности массового сознания, и пр. Именно в этой плоскости, как нам думается, можно говорить о доминировании позитивного или негативного («черная» легенда) отношения к этой личности, актуализацию того или иного аспекта «чужого» мифа, и даже сакрализации образа в творчестве, например, Д.С. Мережковского. В этой связи, сомнения вызывают многочисленные попытки всерьез говорить о его книге «Наполеон» как источнике сведений или научного истолкования его биографии: она должна рассматриваться в контексте историософских исканий писателя. К сожалению, в стороне от магистральных интересов ученых остается и такой удивительный феномен начала XX в., как замещение наполеоновского мифа нищезанятием. Эти темы все еще требуют своего изучения.

Литература

1. Великая Н. Введение / Н. Великая, Е. Гальцова // Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы [Сост. Н.М. Великая, Е.Д. Гальцова]. – М.: Ключ-С, 2011. – С. 9.
2. Волгин И.Л. Наполеоновская тема в творчестве Достоевского / И.Л. Волгин // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996 – 1998. – М.: Минувшее, 2003. – С. 284 – 302.
3. Гуминский В.М. Гоголь, Александр I и Наполеон / В.М. Гуминский // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996 – 1998. – М.: Минувшее, 2003. – С. 232 – 269.
4. Захарчук О.Н. Элементы мифологизации наполеоноведения в современной постсоветской науке / О.Н. Захарчук // Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы [Сост. Н.М. Великая, Е.Д. Гальцова]. – М.: Ключ-С, 2011. – С. 72 – 91.
5. Казаков Н.И. Наполеон глазами его русских современников / Н.И. Казаков // Новая и новейшая история. – 1970. – № 4. – С. 31 – 55.
6. Кошелев В.А. Изводы национально-исторического «мифа» в творческом сознании Пушкина (Пугачев и Наполеон) / В.А. Кошелев // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996 – 1998. – М.: Минувшее, 2003. – С. 213 – 231.
7. Матюшенко Е.Г. Наполеоновский миф в России / Е.Г. Матюшенко // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996 – 1998. – М.: Минувшее, 2003. – С. 174 – 201.

8. Рейтблат А.И. Булгарин и Наполеон / И.А. Рейтблат // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996 – 1998. – М.: Минувшее, 2003. – С. 202 – 212.
9. Секирский С.С. Наполеоновский миф в России XIX – XX вв. / С. Секирский // Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы [Сост. Н.М. Великая, Е.Д. Гальцова]. – М.: Ключ-С, 2011. – С. 162 – 175.
10. Черепанова Р.С. Наполеон Бонапарт как фигура русского национального самосознания / Р.С. Черепанова // Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы [Сост. Н.М. Великая, Е.Д. Гальцова]. – М.: Ключ-С, 2011. – С. 176 – 192.

Анотація

У статті поставлено питання про те, який характер мало у Росії сприйняття особистості Наполеона Бонапарта. Проблема тут сформулювало як розділення наполеонівського міфу та легенди, і на підставі огляду низки публікацій останніх років зроблено висновок про те, що обидва поняття не можуть бути використані для характеристики цього феномену. У Росії з початку XIX ст. відбувалася своєрідна інтерпретація європейського наполеонівського міфу. У кожному епоху для його актуалізації були власні причини, але ніколи сукупність осмислення цього явища не мала характеру російського національного міфу або легенди.

Ключові слова: міф, легенда, «чорна» легенда, національно-історичний міф.

Аннотация

В статье предпринимается попытка ответить на вопрос о том, какой характер имело в России восприятие личности Наполеона Бонапарта. Проблема здесь поставлена как разграничение наполеоновского мифа и легенды, и на основе обзора ряда публикаций последних лет сделан вывод о том, что оба понятия неприменимы для характеристики этого феномена. В России, начиная с начала XIX в., происходила своеобразная интерпретация европейского наполеоновского мифа. В каждую эпоху для его актуализации были свои причины, но никогда совокупность осмыслений этого явления не приобретала характера русского национального мифа или национальной легенды.

Ключевые слова: миф, легенда, «черная» легенда, национально-исторический миф.

Summary

We were trying in our article to answer the question, what was the kind of Napoleon Bonaparte's reception in Russia. The problem was set as the differentiation of the Napoleonic myth and the legend. Number of recent years

articles was analyzed and in terms of that review we made an implication, that both of those concepts are inapplicable for this phenomenon`s characteristics. From the beginning of the 19<sup>th</sup> century there was under way in Russia an unique interpretation of the European Napoleonic myth. There were different reasons in each period for its actualization, but the total of this event`s understandings never obtained the character of a Russian national myth or a national legend.

Key words: myth, legend, “black legend”, national-historic myth.